

КРОКОДИЛ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

— Посмотрим, как идут полевые работы. Заводи мотор...

№ 14 (1628)

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

20 МАЯ 1961

ЗОЛОТИСТЫЙ песок пляжа ласково лизнут бирюзовые волны. Пляж окантовывают высокие кокосовые пальмы. По ним снуют обезьяны. Папа в одной набедренной повязке сопровождает маму. Она почти в костюме Евы. Ведет за руку голого бутуза.

И совсем рядом, рукой подать, метет метель, трескучий мороз леденит душу.

Откуда же тропическая картина?

Она позаимствована нами из проекта превращения Новосибирска в Гонолулу.

Хотите верьте, хотите нет, но такой проект существовал. Автор предложил покрыть Новосибирск стеклянным колпаком. Вроде того, как школьник накрывает пойманную бабочку стаканом. По низу стеклянного колпака установить калориферы, чтобы поддерживать зимой и летом температуру плюс сорок градусов.

Какие выгоды дает превращение Новосибирска в Гонолулу?

На этот глубокомысленный вопрос автор проекта отвечает так:

Первая выгода — не надо ездить из Сибири на черноморские курорты. Это даст экономию на перевозках.

Вторая — экономия на пошивочных материалах. Люди привыкнут ходить в одних набедренных повязках, как одеваются в тропиках.

Проект заинтересовал некоторые горячие головы.

— Титанично! — одобрили они.

Проект благополучно прошел через рогатки ряда первых инстанций, но его «забыли» в областных «верхах».

Мотивы:

Сибирские морозы отнимут от стеклянного колпака все тепло, которое дадут калориферы.

Сибиряки непривычны носить одни набедренные повязки.

Проект похоронили с должными почестями. Кто-то произнес по сему поводу самую короткую в мире надгробную речь:

— Благоскупость!

Может быть, и не стоило вытаскивать на свет правильно похороненный проект превращения Новосибирска в Гонолулу. Меня это заставило сделать одно обстоятельство. Недавно я побывал у птичницы колхоза «Победа» Анны Спиридоновны Зениной. Попал на птичий обед — шла кормежка курино-петушиного поголовья. Пер-

натые что-то ворчали друг на друга, кудахтали и кукарекали. Анна Спиридоновна резонно уговаривала их:

— Царица, не суетись! Дай другим поклевать!

— Не заигрывай с петушком, Принцесса!

— Ах, этот Министр двора! Вечно подхалимничает...

Не скрою, меня удивили такие куриные прозвища.

— Зачем вы их так называли? — спросил я птичницу.

— Как это зачем? — с готовностью ответила она. — Живем во дворце, по-царски. Обыкновенные имена тут не подходят.

И я оглянулся вокруг: птичник был такой необычный! Стекло и металл! Железобетон и метлахская плитка! Дворец в два этажа... Повсюду — паутина труб, и на них, как на насесте, сидят куры.

— Что это за дворец?

Птичница пояснила:

— Из стекла и металла выстроили колхозную теплицу. Это в наши-то сибирские лютые стужки! Теплица оказалась прожорливой, как адская печь — угля не напасешься. Огурец стал не простым, а золотым. Никто его не покупает. Пришлось теплицу прикрыть, теперь здесь птичник устроили.

Дворец из стекла и металла стал пристанищем кур. Да не в одном колхозе «Победа». То же самое в артелях имени Жданова, «Новая жизнь», «Путь к коммунизму» и многих других. Скованные морозом, застыли, будто в дремоте, стеклянные дворцы. И вот, когда смотришь на них, приходит на ум недоброй памяти проект превращения Новосибирска в Гонолулу.

И тот и этот проекты, как сиамские близнецы, походят друг на друга. И там и тут колпаки из стекла и металла. Но главное, что их роднит, — это техническое легкомыслие, игнорирование суровых сибирских климатических условий.

Конечно, Гонолулу в сибирских снегах — фантазия. Теплицы же — реальность.

Для их строительства взяли типовой проект не из сибирских областей. Верх теплиц — стекло и металл, низ — железобетон глубиной до метра. А земля промерзает на полтора-два метра. Лютая стужа отнимает от стекла много тепла, пол теплицы промерзает.

Такие пороки проекта обнаружили еще в первичных инстанциях.

— Благоскупость! — в один голос заявили «низы».

Но против такого заключения решительно восстали областные «верхи». И приказали:

— Строить!

И началась великая строительная горячка. С предприятий бросали на село людей и машины, материалы и оборудование. Кто не проявлял прыти, тех «вразумляли».

Главный вдохновитель тепличного строительства ежедневно требовал сводок о ходе стройки. Заранее он составил победные реляции в вышестоящие инстанции. Через год реляции разослали по адресам. Еще через год оказалось, что теплицы никуда не годны.

Каждая из них обошлась в миллион — полтора миллиона рублей (старыми деньгами). Десятки миллионов выброшены на ветер. Только в Новосибирском районе построено 8 теплиц. На эти деньги можно было построить много механизированных по последнему слову техники животноводческих помещений. Но государственные и колхозные миллионы по благоскупости пущены в трубу. Безвозмездно! Я имею в виду возмездие в отношении тех, кто совершил эту благоскупость.

Тепличная эпопея многим сошла с рук. Почему? Непонятно. Допустил благоскупость — отвечай! И прежде всего ответ должен держать самый главный вдохновитель этой бесславной эпопеи — И. Д. Яковлев. Правда, он выехал из Новосибирска, но адрес его известен: город Ульяновск.

Благоскупость — болезнь липкая, как корь. Кто больше всего ею заболевает? Конечно же, руководители-верхогляды. У них есть одна очень опасная склонность — не вникать в корень, а все больше скользить по поверхности. Такому руководителю пораскинуть бы умом, посчитать так и этак, но он не желает. Ему лень.

— Раз я сказал — значит, делай. А сделаешь — потом будем смотреть!

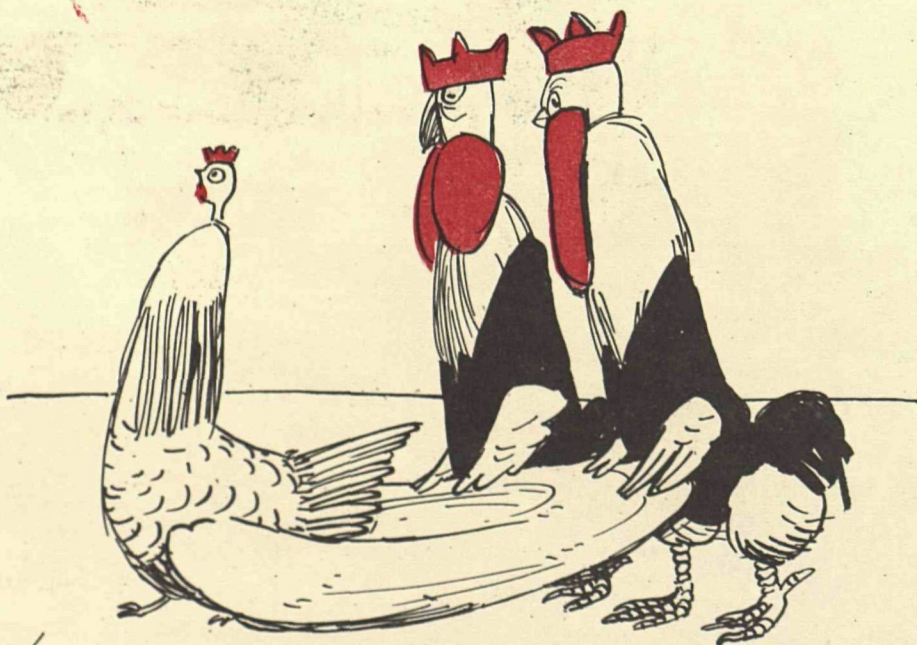
Но потом обычно смотреть бывает поздно. ...Я пишу последние строчки фельетона. В памяти, как живые, встают те, кто допускал благоскупости. Вот автор проекта превращения Новосибирска в Гонолулу. Он стал сед и мудр. И теперь, положив руку на сердце, чистосердечно говорит:

— Отрекся! Вижу: никчемный взлет фантазии.

Ну, а те, кто сооружал для пеструшек чудодворцы из стали и стекла? Почему не слышно их голоса?

М. БУРЕНКОВ

г. Новосибирск

Передача опыта.

В такое время каждый — лирик!

Весна — такое время года,
Когда прозрачны небеса,
Когда природа и погода
Творят со всеми чудеса.
Когда на все глядишь иначе,
Светлеешь духом и лицом,
Не проверяешь мелкой сдачи,
Отменно вежлив с продавцом.
Идешь с работы, напевая,
Как в восемнадцать давних лет,
И не бранишься, что трамвая
На остановке долго нет.
И умиляешься ребятам,
Что сажают во дворах сады,
И неисправным автоматам
Для газированной воды,
И первой зелени. И даже
Дождю — врагу дырявых крыш,
И появлению в продаже
Перчаток, валенок и лыж,
И неокрашенным фасадам,
И грудам битых кирпичей...
Весна идет с доставкой на дом
Тепла и солнечных лучей.
В такое время каждый — лирик,
Улыбка каждому сродни.
И даже самый злой сатирик,
И тот добреет в эти дни.
Взглянув в окно из кабинета,
Спрямит нахмуренную бровь
И вместо едкого памфлета
Стихи напишет про любовь!

Игорь МАРТЯНОВ

г. Иваново

БОРОДАВКО БЕРЕЖЕТ КОПЕЙКУ

Начальник Вологодского упр-лесснаббыта Фомин и юристконсульт этого же учреждения Пантелеев обратились в Госарбитраж Житомирского облисполкома с иском к одному житомирскому предприятию.

Лучше бы они этого не делали! Главный арбитр тов. Бородавко придал делу совершенно неожиданное направление. Он счел необходимым иск положить под сукно, а к ответственности привлечь... самих Фомина и Пантелеева. Рассудив таким образом, тов. Бородавко наката на вологодцев обличительное письмо, полное священного гнева. Сокрушительные эпитеты, такие, как «сухие чиновники» и пр., сами собой лезли из-под пера на бумагу. Бородавко обвинял:

«...Поведение Фомина и Пантелеева свидетельствует о небрежном отношении к социалистическим законам... В наше время такое поведение Фомина и Пантелеева несовместимо с пребыванием их на занимаемых должностях...» И так далее.

Составив эту сердитую грамотку, Бородавко направил ее в Вологодский совнархоз, уповаю на то, что двух «чиновников» призвут к порядку.

Что же натворили Фомин и Пантелеев? Чем они прогневили житомирского арбитра? В качестве пояснения приведем еще одну

выдержку из письма Бородавко:

«В соответствии с инструкцией, с суммы иска 468 рублей госпошлины должно уплатить 8 рублей 40 копеек, а оплочено 8 рублей 36 копеек... По-видимому, эти «деятели» (Фомин и Пантелеев.—Ред.) полагают, что за них будет доплачивать госпошлину Госарбитраж...»

Что верно, то верно. «Деятели» действительно недоплатили четыре копейки, чем чуть было не подорвали финансовую мощь Житомирской области. И лишь бдительность тов. Бородавко помешала свершиться злодеянию.

Поздравляем Житомирский обл-исполком со столь рачительным работником. Вот его уж не назовешь «сухим чиновником».

Только хотим спросить по секрету: а не кажется ли, что недостающую сумму (четыре копейки) вполне покрыла бы только одна почтовая марка? Та самая марка, что была наклеена на письмо Бородавко в Вологодский совнархоз?

Л. АЛЕКСАНДРОВА

В Иерусалиме идет судебный процесс по делу гитлеровского военного преступника Адольфа Эйхмана, виновного в гибели миллионов людей. Его защитник западно-германский адвокат Серватиус делает все для того, чтобы выгородить Глобе, Абса и других ныне процветающих в Бонне сообщников Эйхмана.

ПОД СВИСТ ДУБИН

Рисунок Бориса ЛЕО

Обрыв на линии «Эйхман—Глобе».

Существует почему-то довольно широко распространенное мнение, будто американская буржуазная печать лишена принципов и традиций. А между тем это совершенно не так. Никакие другие газеты в мире так не блюдают освященные временем традиции и принципы, как американские.

Шестьдесят три года тому назад в гаванском порту на Кубе взорвался и затонул американский крейсер «Мэн». Газеты Соединенных Штатов забили в пароксизмах военной лихорадки. Король прессы Херст телеграфировал своему корреспонденту Ремингтону, который просился обратно на родину: «Оставьте на месте точка я обеспечу войну».

В печати появились леденящие душу снимки огромного зияющего отверстия в борту крейсера, якобы пробитого вражеской торпедой. Фото произвели огромное впечатление, несмотря на то, что они подозрительно походили на снимки солнечного затмения, напечатанные незадолго до этого.

Газеты «Нью-Йорк джорнел», «Уорлд» и другие требовали немедленного объявления войны.

История подтвердила, что крейсер «Мэн» был взорван самими американскими империалистами, которые дьявольски нуждались в предлоге для захвата Кубы. Фото пробоин действительно оказались снимками солнечного затмения. Таким образом, уже в то время нетрудно было сформулировать основные принципы американской долларовой печати: поддерживай империалистические провокации всеми доступными способами.

Когда 63 года спустя по сигналу Центрального разведывательного управления США была осуществлена позорная апрессия против Кубы, американские газеты оказались достойными продолжателями и хранителями херстовских традиций 1898 года. Правда, вместо снимков солнечного затмения газеты обошлись фотографиями американских самолетов, которые выдавались за кубинские бомбардировщики, якобы сбрасывавшие бомбы на свою собственную страну.

Газетные призывы один другого воинственнее раздаются сейчас точно так же, как и в 1898 году. Возьмем хотя бы для примера газету «Нью-Йорк геральд трибюн». С ее страниц несется хриплый голос Дэвида Лоуренса. Ни почтенный семидесятилетный возраст, ни долгие годы войны с правдой не подточили сил этого человека, которого называют самым богатым и самым плодовитым журналистом в США.

Престарелый газетный Мальбрук призывает немедленно установить полную блокаду Кубы и перехватывать все советские самолеты и пароходы. Иначе, заявляет он, доктрина Монро станет бессмысленной.

Ах, если бы только это дело доверили самому Лоуренсу! Он бы уж сумел воскресить доктрину

Монро, ставшую трупом задолго до него самого. Он бы расставил в море заградительную сеть из своих обзоров, рассчитывая на то, что на его бумажных минах подорвется любое судно.

Вообще мистер Лоуренс — человек бесстрашный. Другие в его возрасте уже боятся без палки выходить на улицу, а он еще бодро размахивает «большой дубинкой» — излюбленным оружием американской дипломатии.

Бедный старый Лоуренс! Не только ему, никому сейчас не под силу испугать мир этой пресловутой американской дубинкой. Другое дело — двадцать шестой президент США Теодор Рузвельт, с именем которого связано это тонкое дипломатическое оружие! Теодор Рузвельт со свистом размахивал дубиной над головами своих южных соседей. Но Теодор с детства страдал близорукостью и не видел толком, что у дубинки есть два конца.

Другое дело сейчас. И Эйзенхауэр и Кеннеди унаследовали от Теодора страсть к «большой дубинке», но, как выяснилось, пустить ее в ход в нынешние времена не так-то просто. Не мудрено, что оба с такой страстью предаются чисто президентскому занятию — игре в гольф. Хотя здесь, на зеленой лужайке, можно волю помахать если не «большой дубинкой», то тоненькой клюшкой. Все на душе легче.

Но Дэвид Лоуренс, насколько нам известно, не играет в гольф, и его страсть к палкам и дубинкам может находить выход только на газетных полосах. Вот и размахивает он изо дня в день своим газетным костылем, запугивая сам себя до состояния полного умопомрачения.

Старику Лоуренсу подпевает в той же «Нью-Йорк геральд трибюн» другой вояка, помоложе. Хотя Стюарт Олсон и пишет сейчас отдельно от брата Джозефа, оба они полны решимости уничтожить Кубинскую республику. «Мы выполним свое обязательство», — заявляет Стюарт Олсон, — лишь в том случае, если американское правительство будет готово нанести при необходимости смертельный удар, даже рискуя пролить кровь американцев».

Вот так, только и всего. Стюарт Олсон взял обязательство пролить кровь американцев. Его лично это вполне устраивает. Будет о чем писать, будет куда поехать отдохнуть. Отличные ведь американские казино были в свое время в Гаване...

Свистят на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн» и ей подобных газет бумажные «большие дубинки». Чернильным стратегам страсть как хочется убедить себя, что этого «оружия» боится весь мир. Но ведь давно известно, что «большая дубинка», если ею очень размахнуться, может вырваться из рук и оказаться большим бумерангом.

З. ЮРЬЕВ

БЛОХА В ЛЕОПАРДОВОЙ ШКУРЕ

Жил-был король когда-то, при нем блоха жила. К королю Альберу I Калонжи эти строки не имеют никакого отношения. Не потому, что он такой чистоплотный и блохи в его мантии не водятся, а потому, что он сам блоха. Маленькая блошка, сосущая кровь из народа Южного Касаи.

При ком живет блоха Калонжи? При американо-бельгийской компании «Форминьер». В «горнорудном государстве» Южный Касаи этой компании принадлежат алмазные копи, бескрайние плантации и Калонжи.

Когда была провозглашена Республика Конго, дяди из «Форминьера» пришли к выводу, что им с Патрисом Лумумбой не по пути. И они отколушнули провинцию Южный Касаи от Конго. Если есть «государство», значит, должен быть и президент. Тут-то и подвернулся Альбер Калонжи. Из Америки ему привезли нейлоновые исподники и сорочку, а в брюссельском ателье сшили смокинг.

Одетый и обутый «Форминьером», президент начал работать над собой. Он почти уже отучился бросаться на колени при виде белых джентльменов в коротких штанах. Реже стал пятиться с заискивающей улыбкой, провожая до двери младшего счетовода из «Форминьера». Труднее всего было отвыкнуть целовать руки своим хозяевам. Очень уж застарелая привычка. Но тоже совладал, хоть и с трудом.

В своем культурном развитии Альбер Калонжи дошел до таких высот, что узнал значение слова «президент». Кто-то объяснил ему, что президент — должность выборная. Это Калонжи не понравилось: а вдруг еще когда-нибудь не выберут? И он принял историческое решение.

Президент сбросил смокинг и полосатые брюки. Нейлоновая сорочка полетела в угол вместе с исподниками. Оставшись нагишом, Альбер Калонжи нахлобучил на голову золотую корону и закутался в леопардовую шкуру. Так президент Альбер Калонжи уступил место королю Альберу Калонжи.

В конторе «Форминьер» от смеха катались по полу. Коронация блохи доставила немало веселых минут держателям контрольного пакета акций алмазного треста.

Блохе в леопардовой шкуре не терпелось явить себя миру в полной красе. Альбер I появился на конференции раскольников в Кокийавилле. О, это было незабываемое зрелище! За закутаным в шкуру и увешанным золотыми побрякушками Калонжи тянулась свита в составе шестидесяти одного человека. Там были повара, знахари, заморские советники и местные чесальщики пяткок. Но наибольшее впечатление на публику произвел находившийся в свите специальный... «рукопожиматель».

Его блошиное величество легким кивком головы отвечал на приветствия, и в сей же миг из-за его спины высовывалась здоровенная растопыренная лапа рукопожимателя.

Идея завести рукопожимателя родилась в голове Калонжи не от мнительности — о микробах он еще не слышал. И даже не от чванства, хотя избытком скромности его блошиное величество не страдает. Рукопожиматель зачислен в штат от неуверенности. Ну, Мобуту пожмет руку, Касавубу, а другие? Не ровен час, даже в Кокийавилле кто-нибудь откажется пожать руку Альберу Калонжи, обгащенную кровью убитых им патриотов Конго? Королю, даже блошиному, неудобно, когда его протянутая рука повисает в воздухе. А рукопожимателю на это начхать, тем более, что у него оплата не сдельная, а почасовая...

Т. СЕРЕЖИН

Что такое искусство?

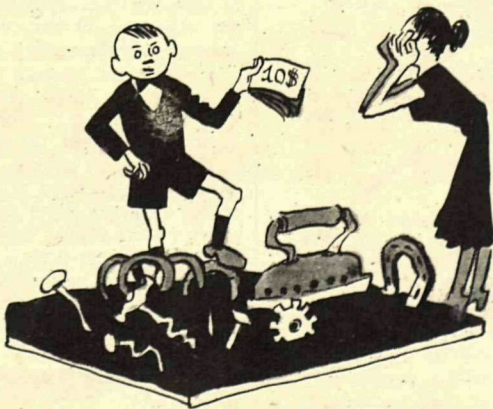
Этот фельетон, опубликованный в американской газете «Чикаго Санди Сан таймс», откровенно издевается над столь модным в определенных кругах США абстрактным искусством.

Жили-были однажды супруги по фамилии Смит (или Джонс). Был у них маленький мальчик, который отличался странностями. В отличие от своих сверстников он почти все время проводил у себя в комнате, никого туда не впуская и единственным доказательством, что он там что-то мастерит, служило периодическое исчезновение разнообразных обиходных предметов. Например, однажды утром пропал утюг, потом горсть гвоздей, затем старая подкова, висевшая над дверью «на счастье», сломанный штопор, некоторое количество орехов и ручка от туалета.

Сколько ни допытывались родители у сына, для чего все это ему понадобилось, он лишь загадочно улыбался. А так как был он мальчиком со странностями и его, есте-

ственно, жалели, то даже и не выпороли, а лишь махнули рукой.

Как-то вечером он пришел домой, неся в руках странный предмет. При ближайшем рассмотрении это оказался кусок фанеры, покрытой застывшим дегтем. К дегтю были прикреплены утюг, горсть гвоздей, старая подкова, сломанный штопор, орехи и ручка от туалета.

Мелкой дробью

ПАПА НА УРОВНЕ

Последние успехи в завоевании космоса вызвали живейший отклик в Ватикане. Папа римский и его окружение не хотят отставать от века. Специальный совет при папе обсуждает актуальный вопрос: как обратиться в католическую веру жителей других планет? Занятие, безусловно, тщетное. «Жители других планет» могут спать спокойно: католичество им не угрожает, поскольку в завоевании космоса первыми идут коммунисты. А они, как известно, атеисты.

МЭР ЗА РЕШЕТКОЙ

Жители небольшого городка в штате Джорджия, США, уже несколько месяцев не могут поздравить своего нового мэра Харрисона с избранием на пост. Дело в том, что мэр находится в тюрьме за хищение общественных средств.

Избиратели, голосуя за Харрисона, не без основания считают, что тем самым они обеспечивают сохранность казны. Ведь до тех пор, пока мэр в тюрьме, деньги будут целы.

ОДНОБОКАЯ ЖАЛОСТЬ

Недавно во время забастовки лондонских докеров погибла партия устриц. А устрицы — товар, как известно, скоропортящийся. По этому поводу Британское королевское общество защиты животных заявило решительный протест: «Устрицы являются безобидными животными с примитивной нервной системой, и тем не менее они также хотят жить, как и все живые существа».

То, что докеры тоже хотят жить, общество, видно, не беспокоит...

— Что это такое?! — с ужасом спросила мама.

— Это, — самодовольно произнес мальчик, — «Обнаженная, поднимающаяся вверх по пожарной лестнице».

— Выражайся при матери поосторожней, — строго сказал папа, а мама от обиды залилась горькими слезами.

— Послушай, мама, — сказал мальчик, — ты, конечно, можешь плакать сколько тебе хочется и можешь даже рыдать всю дорогу, пока ты дойдешь до мехового магазина и купишь себе в подарок от меня норковую накидку. Сдачу, пожалуйста, верни мне.

С этими словами он вынул из кармана чек на 750 долларов.

— Музей искусства, — скромно сообщил он, — наградил меня второй премией за современную скульптуру.

— Вот за это? — недоверчиво вскричал папа, указывая на фанеру.

— А вы бы посмотрели, какая штукovina получила первую премию! — усмехнулся мальчик. — Ну ничего, в будущем году я ее получу. А теперь пойдите поищите-ка для меня старую дверную ручку и ржавые петли. И будьте любезны отныне именовать меня Роденом Джонсом (или Смитом).

Перевела с английского А. БАРАНОВА.

При защите диссертации много выигрывает тот, кто чаще благодарит и кланяется, кланяется и благодарит. Но метод этот не универсален и в работе нередко дает осечки.

Подпусканием тумана степей не оросишь.

Лучше жить в сердце друга, чем в его доме.

Если подведут к пьедесталу для памятника, не спеши вспрыгивать на него — жди, когда посадят.

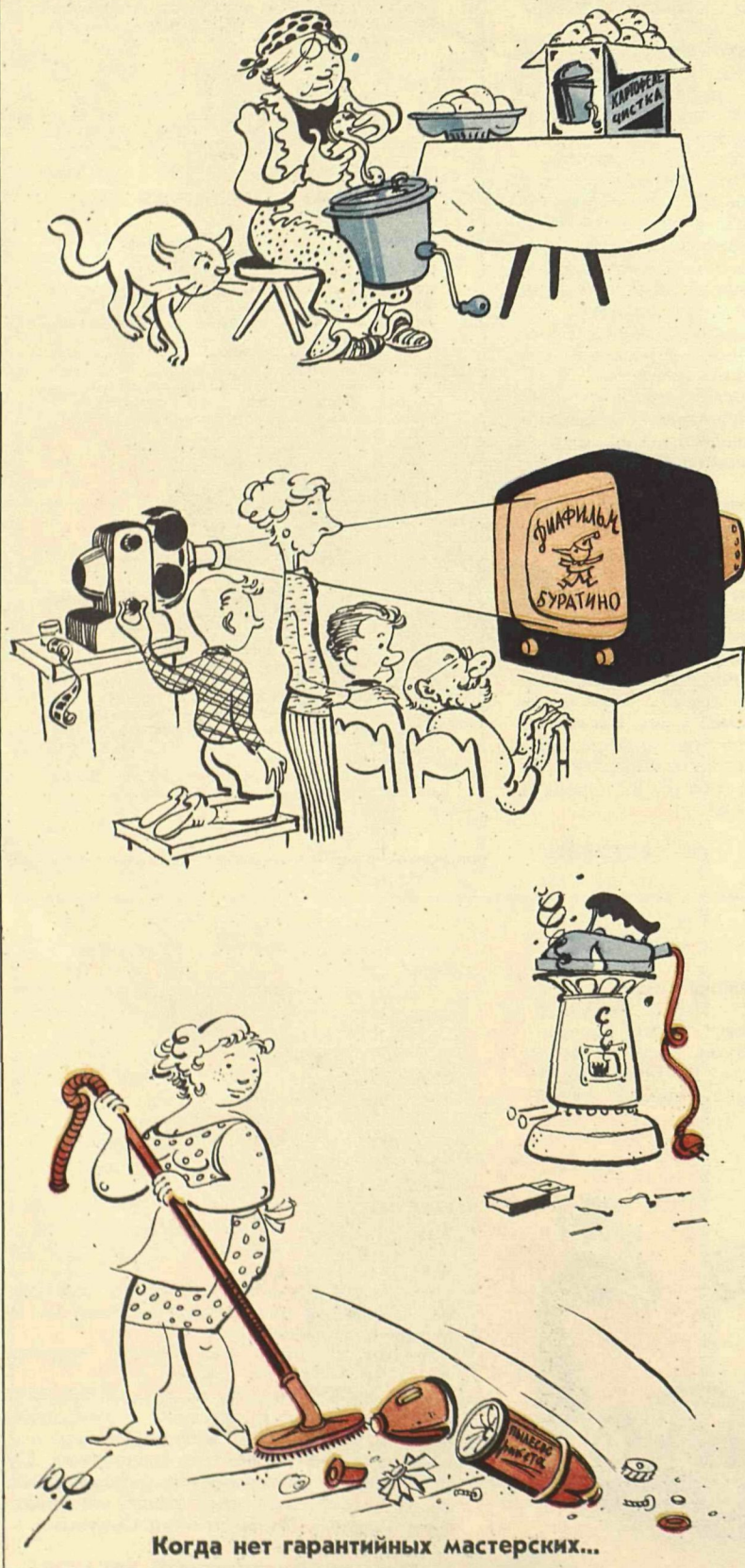
Входящему в храм науки советуем снимать модную шляпу: здесь ценят то, что находится под ней.

У некоторых дипломатов «свободного мира» нет свастики на груди — она у них запрятана внутри.

Не спеши рапортовать о постройке здания, если проектировщики еще обсуждают, из чего его соорудить.

Не торопись с черпаком к общественной чаше, если не успел вложить в нее свою приправу.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

КУДА ОНИ ДЕВАЮТСЯ...

«Мой дядя Вильям... все допытывался, куда деваются неудавшиеся паяльщики, оружейники, сапожники, механики и кузнецы, но никто так и не мог ему этого объяснить».

«Мои часы», Марк ТВЕН.

Если бы дядюшка Вильям проживал в наши дни и носил часы марки Угличского завода, он не терзался бы муками неведения.

В Угличе мне рассказывали, что в последнее время работники этого завода овладели странным заседательским зуд. Меня даже уверяли, что по меньшей мере 280 производственных дней в году завод отдает ораторскому искусству. Местный Цицерон товарищ Муллов (он же начальник отдела труда и зарплаты) с блеском выступил на второй экономической конференции, длившейся пять дней.

— Дорогие товарищи! — восклицал товарищ Муллов. — Боритесь с потерями времени! Потеря даже 30 минут каждым рабочим отражается на экономике. За это время можно изготовить 258 штук часов, на огромную сумму денег. На эти деньги можно построить жилой дом. Так давайте же бороться с потерями!

Жаль, правда, что товарищ Муллов не доказал собравшимся 250 участникам конференции, сколько они могли бы произвести часов за пять дней и какими новыми домами украсился бы древний Углич.

Мы не против экономических конференций. Но обидно, что их решения так и не увидели света. Две конференции — два тома решений. И оба тома погребены в столе начальника планового отдела.

Но есть на Угличском часовом заводе и другие собрания сочинений. Это рекламации. Сколько месяцев в году, столько и папок. Эпистолярный стиль неудачников-покупателей представлен здесь широко и разнообразно. Встречаются письма гневные, грустные, насмешливые; встречаются даже лирические рассуждения о бесполезной красоте угличских часов.

«Я что купил? — спрашивает один покупатель. — Тикающую игрушку или часы?»

«Циферблат ваших часов вспучило, и за него цепляются стрелки», — сообщает покупательница.

«Когда я бегу на работу, часы отстают, когда я сижу спокойно за столом, они бегут, как сумасшедшие».

Все это о золотых часах марки «Волга». О тех, что на шестнадцать рубиновых камнях!

Работники завода оскорблены: — Ну с чего нашим часам быть плохими? Корпус у них золотой, камни рубиновые...

И вдруг по весне, когда обнажается не только прекрасное, но и то нелицеприятное, что было скрыто снегами, вдруг по весне кое-что выяснилось...

В районе потребовались специалисты сельского хозяйства. Агрономы. Зоотехники. Ветеринары.

Особенно домогался агронома директор Угличской лугоме-

лиоративной станции товарищ Белугин. Для того, чтобы процветали молочно-творожные базары в Угличе, ему требовался хороший агроном на луга.

Но, увы, найти агронома в Угличе оказалось не так-то просто. Как сквозь землю провалились агрономы!

В угличской сельхозинспекции ему сказали:

— Все наши агрономы на часовом заводе в цехах работают.

— Э-э, нет! — сказал товарищ Белугин, читавший когда-то Марка Твена. — Мне нужны хорошие специалисты. Случайными часовщиками меня не поведешь.

— А там всякие имеются. Полный комплект. И с тимиразевским академическим образованием, и с обыкновенным высшим, и со средним. Если не хотите из цеха, можно взять из котельной: агроном Надя Седова кочегаром работает. А то из комендантов — товарища Похлебайлова. С высшим образованием человек. Костромской сельхозинститут окончила. Небось, надоело ей дворниками командовать.

Товарищ Белугин хотел уже поспешить на часовую завод, который столь неожиданно приобрел сельскохозяйственный профиль, но работники сельхозинспекции окончательно окрылили его последним сообщением:

— А лучше всего пригласитека вы товарища Иванова, бывшего секретаря райкома партии. Опытный агроном и энтузиаст. Помните, как он всех агитировал в колхозы ехать? Уж так старался! Правда, с ним потом заминочка вышла... Как самому поехать предложили, так он сразу в мастера цеха на часовую подался.

Когда я спросила помощника директора завода по кадрам, что требуется для того, чтобы мастером-часовщиком, он, не задумываясь, ответил:

— Высшее образование. Хотя бы даже сельскохозяйственное.

В угличском райкоме партии говорят:

— Не брать на завод агрономов? А почему? Ведь руки у них не трясутся!

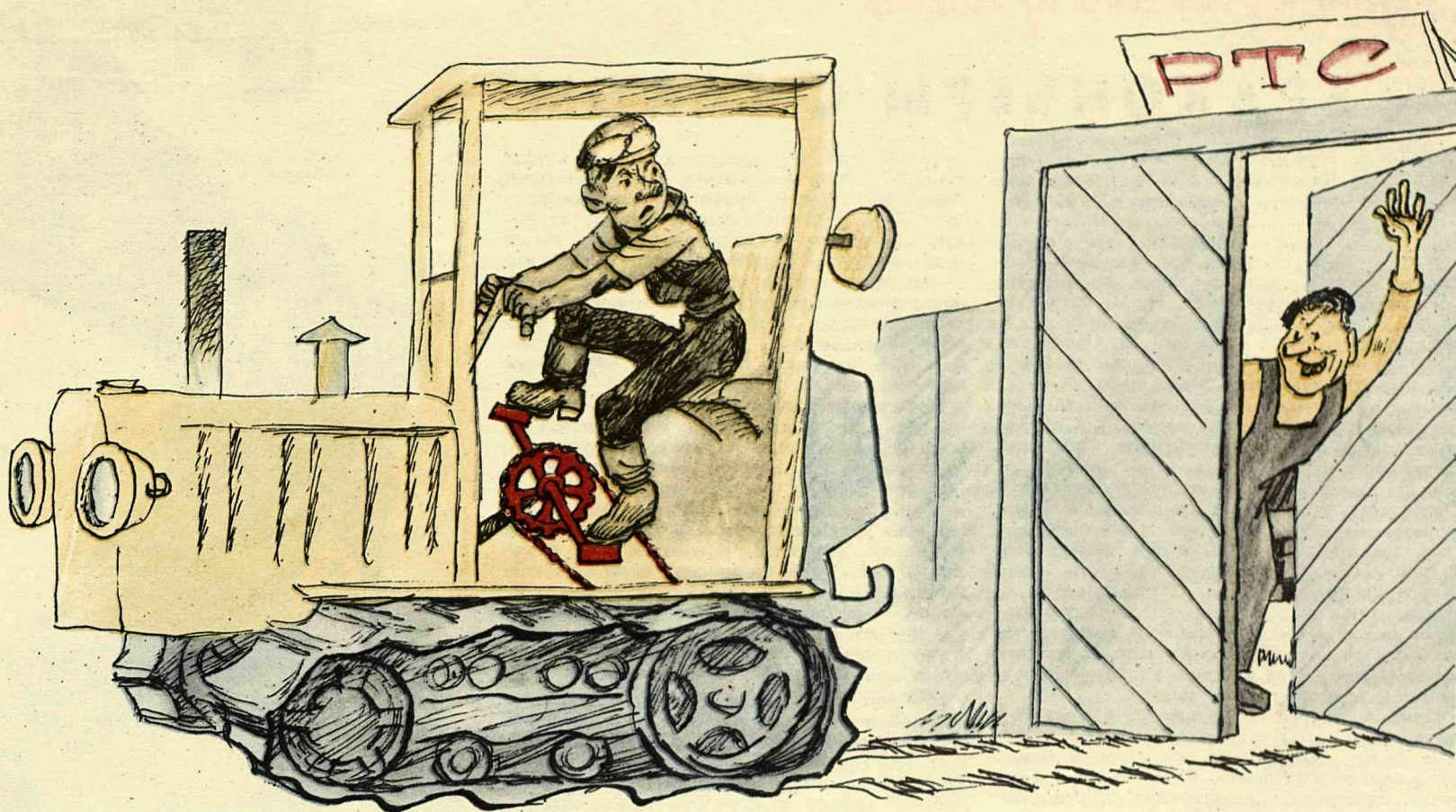
Я пыталась спорить и доказывать, что колхозам агрономы и ветеринары нужнее, что кадры часовщиков не мешало бы готовить на заводе или в специальном училище. А человек с дипломом сельского специалиста должен иметь совесть — партийную или просто гражданскую, в зависимости от анкетных данных.

— Да не едут они в колхоз! — воскликнул наконец в отчаянии инструктор райкома тов. Новиков. — Куда же нам их девать?

Ну как тут не вспомнить Марка Твена и его дядюшку Вильяма!

Лариса ФЕДОРОВА,
специальный
корреспондент Крокодила

г. Углич.

— Ну, как двигатель?
— Работает!

Отклики и реплики

Есильские мамонты

Да, умели принимать обязательства и рапортовать об их досрочном выполнении в Есильском районе! Не подумайте только, что цифры для очковтирательских рапортов там брали с потолка. Что такое потолок?! Каких-нибудь три метра от земли! Руководители района шли в ногу с временем и хватали цифры с космических высот. И потому одна тощая корова изображалась в отчетах как целое стадо, а одно яйцо — как десятки тысяч отборных, диетических. И не цыплят по осени считали мастера очковтирательских дел, а награды и благодарности.

Обо всем этом Крокодил и поведал своим читателям в фельетоне «Есильские мамонты» (см. № 2). Недавно в редакцию пришло письмо секретаря Целинного крайкома партии тов. Демиденко. Крайком сообщал, что все изложенные в фельетоне факты подтвердились. Бюро Есильского райкома партии освободило от работы председателя райисполкома Торского и наказало его в партийном порядке. Наказаны также заместитель председателя райисполкома Кузнецов и бывший секретарь райкома Рудь.

Директору совхоза «Бузулукский» Дагуро объявлен строгий выговор, сняты с работы секретарь парторганизации этого совхоза Кудашев и районный инспектор ЦСУ Садвакасов. Наложены партийные взыскания также на директоров совхозов имени Вильямса тов. Сабодаша, «Любимовский» — тов. Пимштейна и «Двуречный» — тов. Степаненко.

Незаконно приписанная животноводческая продукция исключена из государственной отчетности.

Ну что ж, очковтирателям воздали по заслугам! Так и быть должно.

Загудят провода!

трифицировать их поселок Гавриловку. То денег, говорят, нет, то материалов.

Как сообщил Крокодилу заместитель председателя Кемеровского облисполкома тов. Тарасов, «к поселку проведена высоковольтная линия», установлен трансформатор, в домах закончены работы по внутренней электропроводке, а школа, здравпункт и магазин уже получили электросвет.

Электрификация поселка Гавриловки будет завершена в первом полугодии 1961 года».

В первом номере Крокодила было опубликовано письмо «Не гудят провода!..», написанное по просьбе избирателей депутатом горсовета тов. Чусовляновой. Избиратели жаловались: никак Гурьевский исполком не удосужится элек-

Феликс КРИВИН

ВЕРНОСТЬ

Душ глядит на улицу из ванной
И дождю перемывает кости:
«То он вдруг является незванный,
То его не допроситься в гости!»

И такое беспокойство душа,
Может быть, законно и понятно:
Снова дождь, прогнозы все
нарушив
Заблудился в небе, вероятно.

Но вернется своенравный ливень,
Явится на землю блудным сыном,
Припадет он к истомленной ниве
И разгладит все ее морщины.

С нежностью, волнением
и тревогой
Приласкает трепетную сушу...
И любви его понять не смогут
Никакие комнатные души.

СКУКА

Что делать обязана скука!
На этот вопрос наука
Пока не дает ответа —
У скуки работы нету.

И вот она нудится, мается,
По городу мрачно споняется.
Затеет на улице ссору,
Намелет с три короба вздору,
Кого-то обидит, обманет,
Кого-то в пивную затянет...
Заходит в дома без стука,
И всюду она нектати.

Унылая штука — скука.
Нелепая штука — скука.
Придумайте скуке занятие!

г. Ужгород.

ХМЕЛЬ

Дождь совершенно окосел:
Он шел и песни распевал,
И всех прохожих задевал,
Казался им грозой.

Потом случайно в лужу сел
И ничего не понимал,
Как будто с неба он упал,
Такой он был косой.

БРАКОНЬЕРЫ С ГАКОМ

ЖИТЕЛЮ приднепровского села Кизий-Мисс Павлу Голику почему-то прилепили кличку «Горобец», то есть воробей.

Для пернатых это очень обидно. Конечно, воробей — создание вредное, но не до такой же степени! Горобец — законченный специалист по вреду. Подобно кладбищенским воришкам, он функционирует в основном по ночам. Едва на землю спустится ночь, как Горобец-Голик натягивает визгливые резиновые сапоги и с поспешностью непоеной лошади бежит к реке. Проворно садится в гоночную лодку с двумя моторами. Проворно отчаливает. Проворно едет в заповедные воды. Быстро-быстро расставляет сети. Отъезжает чуть в сторону и начинает колотить-молотить цепью по борту лодки.

«Намолотив» таким манером мешок рыбы, Горобец заканчивает трудовую ночь и возвращается домой. На рассвете он грузит улов в собственную «Победу», сажает рядом с собой мамашу и прямехонько везет ее на херсонский базар. Пока мамаша торгуется за каждую копейку, сынок принимается за другие дела.

Одна за другой подкатывают к дому Голика машины и подводы, груженные лесом. Голик придирчиво осматривает бревна и заламывает такую цену, что у приезжего начинается судорожная икота. Но куда деваться, ежели Горобец — самодержавный владелец единственной пилорамы на всю округу?

И вот уже весело жужжит пила. Растут горы опилок и холмики гривенников в хозяйстве оборотистого Голика. В мечтах он видит себя владельцем новенькой «Волги» и шестиместного катера.

Попутно возникают и другие сладостные видения. Например, засушливое лето или сокрушительная хворь. Вот было бы здорово! Горобец дает напрокат односельчанам поливной мотор за пятерку в час и за ту же цену доставляет их на «Победу» в районную больницу.

Правда, все это довольно хлопотно. Настолько хлопотно, что с трудом удается урвать свободную минуту, дабы забежать в райпотребсоюз за получкой. Именно так: за получкой. Ведь П. Голик не какой-нибудь «вольный стрелок», а лицо, состоящее при исполнении служебных обязанностей. Райпотребсоюз поручил ему заготовку камыша, того самого, что шумит, когда деревья гнутся.

Правда, неустанное браконьерство, базарная коммерция, прокат поливного мотора и пилорамы никак не позволяют Горобцу углубиться в камышовые заросли. Но что поделаешь: столько у человека дел!

Семейство Горобца пользуется в Кизий-Миссе заслуженной ненавистью. Впрочем, односельчане ворчат лишь, когда вспоминают о сухопутных грабежах Павла Голика. Когда же речь заходит о ночных прогулках в заповедные воды, то многие покашливают в кулак и опускают очи долу.

Василий Денисович Скрыпка, к примеру, очень возмущен тем, что разбойник Горобец содрал с него пятерку за доставку больной жены в поликлинику. А вот что касается разбоя в заповеднике, то тут он желает остаться при особом мнении. И не без причины: Василий Денисович только что был пойман (правда, всего лишь в пятнадцатый раз!) в запретных водах. Вместе с Андреем Сутула, Владимиром Зелинским, Николаем Романовым, Иваном Зелинским, Василием Шешенко, Николаем Марышем и Гаврилой Скрыпка он вытащил неводом тонны полторы рыбки.

Браконьерством занимается половина

села. И так не только в Кизий-Миссе. Каждой ночью в низовьях Днепра слышен такой звон цепей, будто по реке движутся галеры работорговцев. Браконьеры ведут «раздобытки». Одни ловят рыбу сетью или волокушей, другие — гаком. Гак — это нечто вроде якоря с острыми, как шило, закорючками. Запустив гак в местах, где рыба залегает буквально навалом, браконьер цепляет ее, сердечную, за что попало. Часто рыбы от такого обращения остаются на дне в виде филе.

Браконьеры действуют нагло и дерзко, невзирая на неусыпную службу инспекторов Госрыбнадзора. Бывалый браконьер подпускает инспектора почти вплотную. Он даже делает вид, что дремлет в сладком послесамогонном забытии. Инспектор свирепо засучивает рукава до подмышек, собираясь ухватить нарушителя за грудки, и тут... Тут браконьер включает оба мощных мотора и удирает восвояси. Инспектор же так и остается с разведенными руками и посылает тихие проклятия Укргосырбводу, снабдившему его ладьей, способной догонять только паромы.

Но, допустим, инспектор все же настиг «раздобытчика» с уловом и тот не успел сбросить рыбу в камыши. О, тогда он может его пристыдить, погрозить ему пальцем и даже оштрафовать на целых 30 рублей! Он может и передать дело на браконьера в суд. Но это не так уж страшно. В конце прошлого года работник спасательной станции А. Санин побывал на скамье подсудимых. Осудили заядлого браконьера на год условно. Лодку и мотор, как водится, не конфисковали. А весной этого года он снова не по своей воле пожаловал в суд. Стало быть, не осознал, и карать его надобно по всей форме. Ан нет! Тот же народный судья Черников по добrote душевной дал браконьеру год, и опять-таки условно. Да что там Санин, если за прошлый год херсонская рыбинспекция изловила восемьсот отпетых браконьеров и лишь двум из них присудили более или менее весомую меру наказания! Стоит ли после этого удивляться, что в херсонских магазинах встретишь лишь сеledку пряного посола, а на базаре — любую свежую рыбу и чуть ли не круглосуточно!

Браконьерство на Нижнем Днепре стало традиционным. На все эти «раздобытки» пока еще смотрят как на курение в неподобающем месте или игру на баяне в неподобающий час. Бравые херсонские оперуполномоченные могут с устрашающим грохотом носиться весь день за торговой семечками и не притронуться пальцем к делу о матером браконьере. Дела о «раздобытчиках» рассматриваются в последнюю очередь. И еще не понятно, почему у браконьеров конфискуют только сети или пятикопеечный гак, а лодку с мотором оставляют в неприкосновенности? И что это, наконец, за штраф — 30 рублей? Ведь такую сумму браконьер может «подмолотить» за одну ночь!

Когда задаешь эти вопросы сведущим товарищам, они уклончиво ссылаются на поспешный рост сознательности у рыбаков. Сознательность — это хорошо. И в том, что она растет, мы не сомневаемся. Нам даже думается, что со временем таких, как Горобец, будут показывать в разделе редких экспонатов исторического музея. Но не попадет ли в тот же раздел судак или сазан с пояснительной табличкой: «Некогда водился в Днепре, но был истреблен так называемыми браконьерами»?

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила
Херсонская область.

ДЫМНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Директор завода был таким, как многие директора: серьезен, горяч, энергичен и напорист. Шабашник был, как и все представители этого нечистоплотного племени: медлителен, жаден, хитер и надменен.

На высоте положения чувствовал себя шабашник. Директор же просил, умолял, доказывал и торговался. Именно торговался. Ибо сумма, о которой шел разговор, была такая крупная, что у директора даже дух захватило, но шабашник лукаво посмеивался и стоял на своем. Он чувствовал в себе силу и знал, что директор все равно сдастся.

И директор сдался.

— Ладно, — сказал он, мрачней, — давай соглашение.

Но шабашник не спешил.

— А магарыч будет?

Директор тяжело вздохнул и произнес сквозь зубы:

— Будет.

И подписал заранее заготовленную шабашником мягкую бумажку — «Трудовое соглашение».

Удивительная сцена? Безусловно. Но, к сожалению, многим хозяйственникам весьма знакомая.

Откуда, спрашивается, такая сила у шабашника, иначе говоря, частного-предпринимателя, почему капитулирует перед ним руководитель государственного предприятия?

Поясним.

Скажем, вы директор небольшого завода. Допустим, вашему заводу требуется небольшая труба, метров 45, или же надо срочно отремонтировать старую. Вы обращаетесь в контору треста «Спецжелезобетонстрой», единственную организацию, занимающуюся монтажом железных труб.

Но там с вами даже раз-

говаривать не хотят. Что для них короткометражная труба или мелкий ремонт! Была бы труба метров в двести, тогда и разговор был бы другой.

Что же делать? Без трубы-то заводу, как говорится, труба! Просить совнархоз, чтобы включили в план, — дело долгое. А вам нужно срочно. И скрепя сердце вы обращаетесь к шабашникам.

А шабашники-верхолазы знают про эту неувязку в нашей производственной жизни и пачками рассылают размноженные под копирку письма-рекламы на все небольшие заводы страны.

Вот перед нами такое письмо. Некий Кононенко Николай Павлович, проживающий в г. Славянске, на Санаторной улице, в доме № 24, именует себя мастером-верхолазом и предлагает свои «услуги наличного труда». Обстоятельно перечисляет до 20 операций по ремонту и монтажу труб, кои способен выполнять «в холодном состоянии и на полном ходу».

Не уступает ему в оперативности и мастер-верхолаз Голигузов Ю. В. из города Херсона. И тут точный адрес: Смольная улица, дом № 141.

И государственные предприятия волей-неволей идут навстречу матерым хапугам, приглашают их, да нередко еще с поклоном и, как водится при частных сделках, с магарычем, чтоб работа не задерживалась.

Как радовались бы сердца хозяйственников, если бы они получали рекламные письма с проспектом работ не от шабашников, а от государственной организации! Но пока это только мечта.

А. ТЕМКИН

Новочеркасские фермеры

— Итак, — говорил директор Ф. Л. Столяр, — наша экспедиция к бабке опять закончилась неудачей. Что будем делать дальше?

Участники производственного совещания молчали.

— Может, в горсовет обратиться? — робко предложил кто-то из новичков.

— Были уже. Совнархоз тоже в курсе дела...

Так и разошлись руководители Новочеркасского механического завода, ничего не придумав.

В чем дело?

По соседству с новым заводским цехом находится личная усадьба Марии Яковлевны Демьяненко. Заводу расширяться надо, новые корпуса вводить в строй. Но мешают владения Демьяненко. Ходили к ней всем миром, предлагали перебраться на другое место. Не желает.

— Мне и здесь хорошо. Не сивозит!

И действительно, какой резон гражданке Демьяненко координаты на карте менять? Хозяйство неплохое: четыре кабанчика, девять свиноматок, два с лишним десятка поросят. Механизация — кормокухни, конвейеры... Благо, пища для свиней вдоволь: спиртозавод рядом, барду и жом оттуда хоть тоннами вози. Ну есть ли смысл передвигать такое отлично налаженное производство?

Впрочем, гражданка Демьяненко — далеко не единственная диювина в Новочеркасске. Жители коммунального дома по улице Народной, 7, не могут спокойно говорить о соседстве Полины Михайловны Соколовой. Вместе с ребятами режутся во дворе дома 17 коров, бычков, теляток, принадлежащих упомянутой гражданке. Живность эта довела двор до такого состояния, что санитарный врач города Л. А. Матвеева даже не рискует здесь показываться...

Сейчас злополучные фермы превратились в своеобразную Мекку, куда время от времени наведываются руководители местных организаций. А поделаться ничего не могут. «Нет, — говорят юристы, — такого закона, чтобы запрещал в районном центре промышленного типа сколько угодно живности разводить».

А на нет и суда нет.

А. ДАНЦЕВ,
Ю. ФРОЛОВ

ЗЕЛЕНый ЗМИЙ.

г. Новочеркасска.

Серои НЕ НАШЕГО времени

ОКОНЧАНИЕ НОВЕЛЛЫ О ФОКУСНИКЕ СОЛДИ И АДМИНИСТРАТОРЕ ЛОШАТНИКОВЕ

Глава двадцать вторая Долгожданная Тимофеевка. Трагедия современного администратора.

Дикая эстрадная бригада Лошатникова попала в цейтнот. Она моталась по области в поисках выигрышного хода. Ее преследовали финансовые неудачи и жестокие газетные рецензии.

Периферийная печать крайне неуважительно отзывалась о коллективе «Будем знакомы». Четвертые страницы газет пестрели заголовками:

«Берегитесь — Лошатников!» «Три часа в плену у халтуртрегеров», «Каменный век эстрады!».

Моральные силы бригады были подорваны не столько рецензиями, сколько материальными потерями. Чудо-богатырь продал на рынке дубленую шубу. Лаврушайтис кормил гиганта Гималаев отходами кулинарного производства районных забегаловок и «ушками», которые варил на походной электроплитке. От этой пищи у старого Тамерлана ослабла память и он начал лысеть.

Лошатников возлагал серьезные надежды на Тимофеевку, большой районный центр, где находился колхоз-миллионер «Красный партизан».

— Вот только бы добраться до Тимофеевки! — говорил он.

Но в Тимофеевке бригаду постигло тяжелое разочарование. Зал был оскорбительно пуст. Лишь в углу, на самых дешевых местах, с десятков сопливых мальчишек жаждали встречи с гигантом Гималаев — Тамерланом.

Лошатников во избежание скандала вернул деньги и отменил представление.

Вся бригада в скорбном молчании двинулась к Дому приезжих. Впереди шествовал Иван Бубнов, канюча и жалуясь на свою судьбу. Лаврушайтис вел на поводке одряхлевшего Тамерлана. За ними шел Лошатников с Викторией Аркадьевной, так и не ставшей «Дамой из чужой Галактики». Лошатникову не удалось поставить этот номер, и Викторина Аркадьевна порой с сожалением вспоминала о старике Сольди.

— Вот вам и долгожданная Тимофеевка! — сказал Жора. — Мы опять горим!

— Не надо паники! Каждый остается на своих местах! Каждый занимается своим делом! — сказал Лошатников, мучительно решая в уме задачу: бежать из Тимофеевки одному или прихватить с собой Викторину Аркадьевну?

— Афиша у нас плохая! — заныл богатырь Бубнов. — Из-за нее и горим. Помню, в сорок восьмом году была у меня афиша в три цвета. Я лежу в белой борцовке на манеже, а на груди стоит зеленый самосвал. А в самосвале желтая корова. Полный сбор!

— Ты, Ваня, не создан для аналитического мышления, — ласково улыбаясь, промолвил Лошатников. — Можно поставить себе на грудь са-

мосвал с мамонтом, и все равно публика не пойдет. Зритель теперь не тот. Он новый. Мы еще толком его не знаем. Раньше знали. Да, мы знали, что Тимофеевка обожает фокусников, глотающих керосин и другие нефтепродукты. Пятихатка любила факиров, Горловка — чемпионаты французской борьбы с «масками смерти». А чем живет новый зритель? Чем дышит? И в каких случаях он несет в ладошках заветную десятку? Мы не знаем этого. Вот в чем трагедия современного эстрадного администратора!

И, как бы иллюстрируя слова руководителя дикой бригады, Тамерлан — гроза Гималаев — вытянулся во весь рост и заревел глухо и печально:

— Э-эээ, иоооооо!

— Он голоден, — сказал затянутый в кожу Лаврушайтис. — Я не могу слышать его рев. Надо что-то предпринять. Войдите в него, медвежье, положение...

— Не бейте на жалость, — сказал Жора. — Я все равно не побегу продавать свой последний выходной костюм, чтобы дать вашему медведю витамин!

— Всю жизнь он получал овощи, мед и фрукты. Теперь он голодает, — чуть не плача, сказал Лаврушайтис. — Я перед ним виноват. Я мог сдать медведя в зооцентр. Его хотели взять в цирковую кавалькаду. Наконец, его купили кинематографисты. Я не дал. И зачем мне была нужна эта поездка? Я же получаю пенсию. Жадность — вот что губит нас, коллеги!

— Сдадите мишку в зооцентр месяцем позже, только и делов, — сказал Лошатников.

— Месяц такой жизни! Медведь не протянет! Некоторое время все шли молча.

Перед Домом приезжих Лошатников встрепенулся и сказал, бодрясь:

— И все же выше голову, друзья! Я завел вас в Тимофеевку, я вас и выведу!

В эту же ночь Лошатников бежал из райцентра, бросив на произвол судьбы дикую бригаду и домашнего медведя.

Глава двадцать третья

Кризис углубляется. Гроза Гималаев переходит в другие руки.

Исчезновение Лошатникова и Викторины Аркадьевны внесло смятение в ряды ансамбля «Будем знакомы». Члены бригады растерялись. Затем последовала бурная реакция. Раздались вопли о мщении, угрозы и проклятия.

Вечером все собрались в столовой. Помимо членов бригады, здесь сидел и пьяный Акундин. Стол эстрадников не был отягощен яствами. На жестяном подносе лежала связка баранок и несколько лепешек, рядом стоял вместительный, как бак, чайник.

Изредка со двора доносился голодный рев Тамерлана. Лаврушайтис вздрагивал и закрывал уши ладонями.

— Я этого не перенесу, — говорил он.

— А мы перенесем? — спрашивал Жора.

— Медведь ему дорожке живого человека! — возмущался Витольд.

— Я хочу есть, — канючил богатырь. — Что для моего веса полкило лепешек?

— Надо работать, — посоветовал Жора.

— Я не отказываюсь. Дайте мне сцену!

— Мы не об этом, — пояснил Витольд. — Вы молодой, сильный, вы богатырь-самородок. Будь я на вашем месте, я поработал бы дней десять грузчиком и вывез всех нас отсюда.

— А почему бы не поработать вам? — заартачился богатырь.

— Мы слабосильные, — поспешил вставить Витольд.

— Мы такие с детства...

С улицы снова донесся жалобный рев Тамерлана.

— А что, если продать медведя? — вдруг осеңило Жору.

— Это идея! — немедленно поддержал Витольд.

— Продай, Лаврушайтис, медведя, — захныкал богатырь. — Будь, Лавруша, человеком, продай животное!

— Пожертвуйте медведем... — сказал Жора.

— Ради коллектива, — закончил мысль брата Витольд.

— А кто его купит? Кому он нужен? — отбивался Лаврушайтис.

— Мне нужен! — раздался чей-то голос.

Все оглянулись. Федя Акундин тяжело поднялся с места.

— Вот видишь, товарищу нужен медведь, — обрадовался Жора.

— А зачем он вам? — спросил дрессировщик.

— Какое тебе дело, человек покупает — и basta!

Акундин не мог сколько-нибудь внятно объяснить свою причуду. Неделя беспробудного пьянства вконец затуманила мозги тимофеевского бизнесмена.

— Нужен он мне, понимаешь? — тяжело ворочал языком Федя. — В хозяйстве пригодится... Коржу докажу, понимаешь?

— Все же неясно, — упорствовал Лаврушайтис. — Зачем вам медведь?

— Какой вы странный! — закипятился Жора. — Разве вы не видите, человек любит животных...

— Он колхозник-анималист, — догадался Витольд.

— Люблю животное, — подтвердил Акундин. — Хрюка любил. Какой хрюк был — небоскреби! Помер. И жена померла. Один живу...

Лаврушайтис сдался. После небольшого торга Акундин вручил дрессировщику сматую пачку денег.

— Обмоем Тимошку! — предложил Федя, на ходу переименовав Тамерлана.

В тот же вечер дрессировщик в сопровождении всей бригады отвел Тамерлана к Акундину.

Федя привязал медведя в сарайчике, где раньше обитал хрюк, и завалился спать.

Глава двадцать четвертая

Карета прошлого. Большой торговый поход. Шубка и Корж.

Если начертить схему движения диких бригад, она будет выглядеть по меньшей мере фантастично. Перед вами возникнет путаница кривых, прямых, параллельных, перекрещивающихся и петляющих линий. В этом графическом хаосе трудно установить какую-либо закономерность. Между тем дикие бригады перемещаются по своим законам. В их движении есть своя логика.

Эстрадные дикари стремятся попасть в наиболее отдаленные, но вместе с тем густо населенные районы страны.

Когда члены бригады, предводительствуемые Илюшей Самарским (соло на гитаре, саксофоне и ксилофоне), прибыли в Тимофеевку, им сразу бросилась в глаза вызывающая афиша ансамбля «Будем знакомы».

— Нас обскакали на полкорпуса, — с сожалением констатировал Илюша. — Здесь пасутся лошатниковские молодцы.

При имени Лошатникова старик Сольди инстинктивно вздрогнул.

— Придется перебазироваться, — продолжал Самарский. — Тимофеевка не выдержит двух гала-представлений. А сейчас, друзья, небольшой отдых, так сказать санитарно-репетиционный день.

Бригада выгрузилась у Дома приезжих. На крыльце эстрадники столкнулись с чудо-богатырем. Он грелся на солнце, переваривая обильный обед — поминки по Тамерлану.

Самарский пошарил взглядом по фигуре Бубнова и сказал:

— Если я не ошибаюсь, передо мной врио Алеши Поповича?

— Чего? — не понял богатырь.

— Я хотел сказать, что, судя по вашей былинной внешности, вы работаете богатырский номер «Пляска гирь», «Рекордная штанга», а также по желанию публики «Мост смерти».

— Как вы догадались? — спросил польщенный тяжеловес.

— Профессиональная интуиция. Короче говоря, вы лошатниковский самородок?

— Уже не лошатниковский, — вздохнул Бубнов. — Лошатников сбегал.

— Как? Не попросившись?

— Ночью. Втихаря...

— Ну, если не было прощальных лобзаний, значит, он прихватил с собой и кассу, — без особого труда догадался Самарский.

— Касса была пустая...

Выбежавшие на крыльцо близнецы-сатирики с ходу ввинтились в беседу. Перебивая друг друга и привирая, они поведали о бедствиях, постигших ансамбль. Но самой теплой была встреча Лаврушайтиса и Сольди. Друзья не виделись много лет. Чудесные видения прошлого возникли перед их взором:

— А помнишь мой жокейский номер!
 — Теперь уж так не работают.
 — А дядю Ваню?
 — Разве найдешь такого арбитра?
 — А Фрателлини найдешь?
 — А Танти найдешь?
 — А полет в мешке найдешь? А зубника, как Свидригайло?

Они вышли из кареты прошлого только вечером, вконец расслабленные от долгой езды по дорогам молодости.

— Что ты сейчас работаешь? — спросил Сольди. — Тамерлан жив-здоров?

При упоминании имени своего любимца Лаврушайтис поднес платок к глазам.

— Я поступил подло, — признался он старому другу. — Я предал его. И всему виной бесчестный Лшатников и моя слабохарактерность. Бедный зверь! Когда он состарился, я поспешил от него отделаться!

Лаврушайтис продолжал истязать себя. Еще долго раздавался свист самокритического бича. Сердце добряка Сольди не выдержало.

— Не убивайся. Я постараюсь помочь. Медведь еще в Тимофеевке?

В тот же вечер старый иллюзионист держал совет со своей ассистенткой Ингой Федоровной.

— Где бы я мог продать эту вещь? — спросил он, извлекая из чемодана нейлоновую шубку цвета лунного серебра.

Инга Федоровна схватила за сердце.
 — Что с вами? — всполошился Сольди.

Инга Федоровна посмотрела на подкладку воротника: королевский пингвин держал в клюве кусок нейлона. Сомнений быть не могло!

— Где вы ее взяли? — спросила она.
 — Купил.

— В комиссионном магазине у Вениамина Павловича. О, эта шубка мне знакома! — сказала Инга Федоровна и подумала: «Как нелепо устроен свет, я снова встретилась с ней и где — в Тимофеевке!»

— Кому бы ее продать? — повторил вопрос Сольди.

— Право, не знаю. Посоветуйтесь с Илюшей. Сольди пошел к Самарскому.

«Если хорошенько попросить старика, — думала Инга Федоровна, — можно уговорить его не продавать нейлоновое диво. Но стоит ли?»

Ей почему-то не хотелось этого делать. «Старею я», — с грустью решила она.

Ее диагноз был не совсем точным. Незаметно для Инги Федоровны ее жизнь наполнилась другим содержанием. Она быстро и неожиданно легко освоила обязанности ассистентки мага. Через какую-нибудь неделю она уже уверенно выходила на сцену в черном обтягивающем трико и небрежно накинутом на плечи шелковым бурнусе. На ее голове горделиво возвышался головной убор из перьев, какой обычно надевали куперовские индейцы, когда, потрясая томагавками, выходили на тропу войны.

Нечего и говорить, что она была осыпана царственными драгоценностями, которые хранила в большой трехкилограммовой банке из-под маринованной салаки. Она научилась подходить к старому магу, не сгибая колен, что придавало ее походке очаровательную торжественность, столь необходимую для совершения даже самого маленького чуда.

Инга Федоровна с особым эстрадным шиком подавала своему старику волшебные аксессуары: ларцы с двойным дном, металлические кольца, взрывающиеся сигары, веера, цепи, игральные карты, платки и цилиндры.

Днем Инга Федоровна подготавливала реквизит, чистила аппаратуру, репетировала. Она тренировалась в пальмировке — умении держать монету в открытой руке, зажав ее в ладони, — в филировании — незаметной подмене карт — и многом другом. Короче, Инга Федоровна была увлечена новой, своеобразной работой. Быть может, впервые в жизни она с удивлением узнала, что не только вещи, но и труд может приносить радость.

Сольди вернулся с Самарским. Гитарист с видом знатока — участника пушного аукциона осмотрел шубку.

— Покрышка стоящая! — определил он. — Такие шубки являлись модницам только в праздничных свидениях!

— В Тимофеевке ее не продашь, — заметила Инга Федоровна.

— Напрасно так думаете. Прежде чем повезти вас сюда, я собрал кое-какую информацию.

Он вынул записную книжку и вслух прочел:

— «Тимофеевка. 3 тыс. жит. Колхоз «Красный партизан». Зажиточность. 8 млн. руб. доход. Общественное пользование: свиньи, овцы, крупный рогатый скот. Личные библиотеки, автомашины, мотоциклы. Тяга к культуре. Знатные люди: профессор Славин — селекционер, заслуж. фельдшер Мясоедов...»

— Зачем вам знатные люди? — удивилась Инга Федоровна.

— Для отзывов! Отзыв, подписанный знатым человеком, — эстрадная валюта. Читаем дальше: «Засл. учительница Гурова, свиновод Корж...»

— Пойдите! Корж? Я знаю его! — воскликнула Инга Федоровна. — Он хотел купить в Москве такую шубку!

— Тогда не будем медлить! Трубите большой торговый поход!

У Афанасия Коржа была хорошая память на лица. Он сразу узнал Ингу Федоровну.

«Только этой придурковатой дамочки-трясогузки здесь не хватает! — подумал свиновод. — Видать, командированная. Какую-нибудь цифру про свиней приехала шукать».

— Вы часом не на ферму? — спросил Корж.

— Свиньи ее интересуют лишь после кулинарной обработки, — пошутил Илюша, прижимая к груди нейлоновую шубку, завернутую в газету. — Мы в данный момент по торговой части.

— Илюша, разверни газету! — попросила Инга Федоровна.

Солист-гитарист выхватил из газеты шубку.

— Узнаете? — спросила Инга Федоровна.

— Та самая! — подтвердил Корж.

— Вот мы ее и продаем. Обстоятельства вынуждают.

— Какие это обстоятельства?

— Сложные...
 — Я с рук не покупаю, — сказал Корж.

— Жалко, — сказал на прощание солист-гитарист, — что мы вас не уведили. Не хотелось бы продать эту шубку какому-нибудь иностранному индивидууму.

— Какому индивидууму? — насторожился Корж.

— Тут один иностранец бродит. Корреспондент из ФРГ. Спрашивал, нет ли чего продать.

— И вы к нему пойдете?! — возмутился Корж.

— А муки голода?

— Я покупаю! — сказал Корж.

— Все же не выдержала душа поэта! — ухмыльнулся Илюша. — Я так и знал, что вы деловой человек!

На улице Самарский, давась от смеха, сказал Инге Федоровне:

— Скажите, я плохой психолог? Видели, как наш знатный свинарь клюнул приманку?

— Вы разве не пошли бы к иностранцу?

— За кого вы, детка, меня принимаете? Что я, фарцовщик? Ай-ай, дорогая! Илюша может продать залежавшийся эстрадный номер, но не свою совесть!

ОКОНЧАНИЕ НОВЕЛЛЫ О ЗНАТНОМ СВИНОВОДЕ АФАНАСИИ КОРЖЕ, ГАНСЕ ХОЛЬМАНЕ И ФЕДЕ АКУНДИНЕ

Глава двадцать пятая

Тяжелое похмелье. Шкура неубитого медведя. Гибель Тамерлана.

Федя Акундин проснулся от свирепой головной боли. В голове стоял гул. Во рту было так паршиво, будто туда спустили сточные воды. Отравленный перцовкой и дубняком, организм тимофеевского бизнесмена требовал огуречного рассола. Но после смерти Фроси никто не готовил ему этого эликсира алкоголиков.

Мотая кудлато-плешивой головой, Акундин сполз с постели. Он вышел во двор. Было холодное утро. Пахло ввозом и давно нематым медведем. Из сарайчика донесся хриплый рев.

Акундин открыл дверь. Из полумрака возникла фигура Тамерлана. Он стоял, вытянув лапы, в классической позе всех ресторанных и гостиничных медведей, которых завхозы помещают обычно в вестибюлях перед лестничными маршами.

— Ты живой? — спросил Федя, все еще не веря своим глазам.

В ответ медведь рывкнул.

«Охмурили гады! — с тоской подумал Акундин, силясь вспомнить, сколько же он отвалил за эту зверюгу. — Охмурили пьяного человека!»

Полдня Федя размышлял над тем, что ему делать со свалившимся на голову медведем. Продать? Никто не купит. Кормить? Колхозники засмеют. Выпустить на волю? Еще наделает бед. Акундин заскрипел зубами. От тяжких дум у него еще больше разболелась голова. «Надо опохмелиться!» — решил он.

Федя накидал медведю хлеба и сахара, чтобы тот не ревел без толку, не будоражил общественность. И поспешил в столовую.

После первых же двух стаканов перцовки к Феде начал возвращаться былой оптимизм. Третий стакан окончательно восстановил его моральные силы. Мысли его прояснились и обрели, как ему показалось, небывалую логическую стройность.

«Что медведь? Начхать на медведя! И на соседей начхать! И на сельсовет! И на Коржа! Хочу — кормлю, хочу — держу на цепу, хочу — зарежу!»

Мысль зарезать медведя очаровала Федю своей первобытной простотой.

«Зарежу — и дело с концом! Свой, не краденый. Сам кормил, сам поил, сам выращивал! Потом медведь достался! На мясо зарежу! На базар повезу!»

Далее мысли тимофеевского тунеядца поплыли по знакомому руслу.

«Рублей по пятнадцать за кило дадут. Сколько же, интересно, косялапый потянет? Центнера три — не меньше! Минус голова, лапы, обратно же шкура. Заготовырье шкуру не примет, справку потребует. На стороне продам. С убитого медведя шкуру всегда продать можно. Факт! Однако по пятнадцать рублей за кило дешево. Днем с огнем не сыщешь на рынке медвежатин. Двадцать пять целковых за кило — ни копейкой меньше! Что, дорого? А ты поди убей! Походи с мое по тайге! Это тебе не корова. Жизнь свою рискуешь! Приходи, налетай, покупай! Эй, дамочки, бери, не ошибешься! Вот кусочек с косточкой для супа! Замечательная медвежья косточка! Просю, дамочки!»

Федя счастливо рассмеялся. Все складывалось как нельзя лучше. Его, Акундина, черта с два охмуришь! Не на того напали! Его голыми руками не возьмешь!

Он поспешил к Тамерлану.

Дома он разыскал длинный таежный нож с остроконечным клинком. По-хозяйски поточил его. Прихватил с собой топор, восьмилитровую лампу, сунул в карман горсть кускового сахара и пошел в сарайчик.

Медведь лежал на грязном полу с открытыми глазами.

— Хороший, мишка, хороший! — ласково сказал Акундин, вешая на крюк лампу.

Медведь присел на задние лапы и отдал честь.

— Ух, умница! — сказал Акундин, примериваясь, куда бы нанести удар.

Он сделал шаг вперед. Медведь доверчиво двинулся навстречу. Федя трусливо отпрянул.

— Не пойдет так дело, умница, — сказал он. — Лапы-то надо привязать.

Он снял со стены старые, ссохшиеся сыромятные вожжи.

Медведь теперь стоял навтыжку, словно на параде.

— Сахару просишь, — сказал Акундин и полез в карман.

Пересиливая страх, он протянул Тамерлану ладонь с кусочками рафинада. Медведь осторожно взял.

— Вот умница, — сказал Акундин. — Таких умниц надо поискать. А теперь столб обними. Вот так, — показал Федя, — лапами, ну обними, умница!

Медведь обнял столб.

— Ну что ты скажешь! — удивился Акундин. — До чего ученый, сообразительный зверь! Просто редкостный зверь. Расскажешь — не поверят.

Акундин набросил на лапы петлю. Другой конец вожжей быстро и туго обмотал вокруг соседнего столба.

— Умница! Смирный, ученый, — сказал Федя и... поднял топор.

Тоскливый рев смертельно раненного Тамерлана разнесся по всей округе.

...Акундин устало сел на колоду.

Со двора послышались голоса. Федя поднял голову. Кто-то распахнул дверь, и Акундин увидел возмущенную толпу тимофеевских колхозников и среди них Сольди, Лаврушайтиса и Ингу Федоровну.

Глава двадцать шестая

Последняя неудача. Гибель нейлонового дива.

После беседы с Акундиным Ганс Хольман избегал посещать столовую. Корреспондент питался всухомятку консервированными продуктами. Консервы вызывали у Хольмана изжогу. Изжогу он лечил шнапсом. Шнапс заедал консервами. Получался какой-то заколдованный круг.

Хольман лихорадочно искал материал, но тщетно. У него опустились руки. Он решил уехать из Тимофеевки.

Корреспондент покидал районный центр рано утром. Из окна автобуса он увидел Федю Акундина, грузившего на телегу мясо. Федя отправлялся на базар.

Акундин вернулся спустя две недели. Он приехал злой, преисполненный самых мрачных предчувствий.

Гибель Тамерлана не принесла ему никаких прибылей. Федя спяно не учел рыночной конъюнктуры. Жители областного центра были приучены к говядине, баранине, свинине, они баловались парной телятиной, охотно покупали куропаток и перепелов. Они не хотели покупать медвежатины.

— Ты где его убил? — спросила Федю одна настырная домохозяйка, брезгливо беря двумя пальчиками кусок медвежатины. — В Арктике? Пока вез, мясо, наверно, протухло!

— Господь с вами, дамочка! — засуетился Фе-

дя. — В Арктике водятся исключительно белые медведи. А он бурый. И батька у него был бурый и matka. Я его в лесу убил!

— Врешь все. У нас медведей нет. Это я точно знаю. У меня муж охотник. Ты в тундре его убил. Пока вез, он прокис весь!

— Так это ж его натуральный запах!

— И на что только санитарный инспектор смотрит? — возмутилась другая покупательница.

Две недели Федя бился с медвежатиной. Мясо действительно протухло. Его пришлось закопать во дворе.

Едва он оправился от удара, как замаячила новая беда. Тимофеевские колхозницы подали петицию в сельсовет. Они требовали выдворения Акундина из родного села.

Федя заметался, как поднятый с лежки зверь. Он сделал попытку подкупить председателя. («Сделаемся, начальник! Ты — мне, я — тебе. Акундин в долгу не останется. Замнешь дело — не пожалеешь!»)

Новый председатель оказался неприлично принципиальным человеком. В ответ на богатый посул он чуть было не запустил в Федю чугунной чернильницей.

Федя почувствовал себя в положении человека, захваченного сейсмической непогодой. Ему казалось, что он проснулся в ночи от десятибалльного подземного толчка. Все колебалось, все трещало, рушилось вокруг.

Акундин подумал, что спасение может прийти только от Коржа. Но явиться пред его светлые очи, просить защиты? Против подобного унижения протестовало гордое нутро тимофеевского бизнесмена. Плакаться перед Коржом! Это было выше его сил.

Федя откладывал свой визит к знатному свиноводу до тех пор, пока ему не сообщили, что общественный суд состоится через неделю. Выхода не было. Надо было идти!

Весь день Федя пил, чтобы взбодрить себя. Вечером он прихватил заветную бутылку чистого спирта («за стаканчиком разговор пойдет глаже») и отправился к Коржу.

Едва он открыл калитку, как напоролся на мать Коржа Горпину Алексеевну.

— Тебе чего? — спросила старуха, которая не переваривала лодырей и пьяниц.

— Я до Афанасия.

— А до него уже с горилкой повстречався!

— Так я ж не пьяный, — заверил Федя. — Я самую малость...

— Нету Афанасия!

— А где ж он?

— Не знаю, — ответила Горпина Алексеевна и захлопнула калитку перед самым носом Акундина.

Горпина Алексеевна сказала неправду. Афанасий Корж был дома. Он стоял перед женой, которая примеряла нейлоновую шубку цвета лунного серебра.

— Не надену я ее, Афанасий, — говорила Катерина. — Очень уж она в глаза бьет. Как-то неудобно... Право слово, неудобно...

— Неудобно, неудобно! Не на посиделки идешь... Да и холодно сегодня.

— Как-нибудь в другой раз...

— Когда же ее надевать, как не в театр!

Жена надела шубку.

В это время Акундин подходил к свинарнику. По дороге он несколько раз прикладывался к бутылке со спиртом. Бизнесмена сильно пошатывало.

Свинарник был закрыт на тяжелый засов. Акундин не без труда открыл дверь. В старом деревянном сарае было чисто, светло.

— Гигиену развели, — саркастически сказал Федя, сплевывая на спину какой-то свинье. — Гоните мух, мойте фрухты перед едой, язви вашу душу!

Он пошел вдоль самокормушек. Свиньи, сладострастно похрюкивая, уничтожали корм.

— По науке жрут! — с ненавистью сказал Федя. — Афанасию блямбочки зарабатывают!

За отдельной перегородкой он увидел Яхонта.

— Давай, фон-барон! — сказал Федя, тыча его бутылкой в бок.

Яхонт с достоинством повернулся, ткнул рылом в перегородку, видимо, ожидая подачки. Федя сунул ему под пятачок шиш. Яхонт игриво хрюкнул.

— Пшел вон, сволочь! — рассвирепел Акундин и поднял ногу, чтобы ударить хряка по пятачку.

Акундин потерял равновесие и упал спиной на цементный пол. Заветная бутылка вылетела из рук и разбилась.

— Уууу-уу, язви вашу душу! — взвыл Федя.

Ему было до слез жаль спирта. Он поднялся с пола. Долго зажигал непослушными руками спички, пытаясь закурить.

Хряк, не дождавшись подачки, повернулся к нему задом.

Федя пошел прочь, ругая нехорошими словами Коржа, нахального хряка, тимофеевскую общственность.

Если бы Федя обождал еще несколько минут, он увидел бы свиновода. Корж никогда не выезжал из Тимофеевки, не заглянув к своим четвероногим питомцам. И сейчас, направляясь в театр, он повернул к свинарнику.

— Опоздаем же, Афанасий! — сказала жена, сидевшая в коляске мотоцикла.

— Не волнуйся, дивчина, — весело отозвался Корж, — доставим вас вовремя и в самом что ни есть лучшем виде!

Когда мотоцикл выскочил из-за пригорка, Корж увидел свинарник, и распахнутую дверь, и дым, валивший наружу. Свиновод газанул и чуть было не врезался в стену.

Спичка, оброненная Акундиным, сделала свое дело, несмотря на грозный антипожарный плакат, висевший на стене свинарника. Сначала затлел клок сена. Затем показался робкий, чахоточный огонек. И когда он окреп, от него заплясали синие язычки на лужичке спирта. По спиртовой артерии синие язычки доплясали до угла и здесь вовлекли в свой грозный танец рейки, сложенные для ремонта перегородок.

...Корж бежал по свинарнику, стаскивая на ходу кожаную тужурку. Прикрываясь ею, как щитом, он ринулся на пламя. Кожанка не сбила огня.

— Шубку давай! — рявкнул Корж.

Катерина на мгновение заколебалась, Корж сорвал с жены нейлоновое диво и, распластав, бросил в огонь.

Пламя не прорвалось сквозь нейлоновый заслон. Из-под шубки повалил сиреневый дым. Корж все сильнее прижимал ее к тлеющим рейкам.

Он отнял шубку, когда она была вконец испорчена.

— Жалко? — спросил Корж.

— Жалко, — созналась Катерина. — Теперь она уже ни на что не годится. Красивая была вещь.

— Как не годится? А Яхонту? На подстилку!

— Ты все шутишь!

— Тьфу! А что убиваться? Из-за шубки, из-за нейлона! Та хай ему грець!

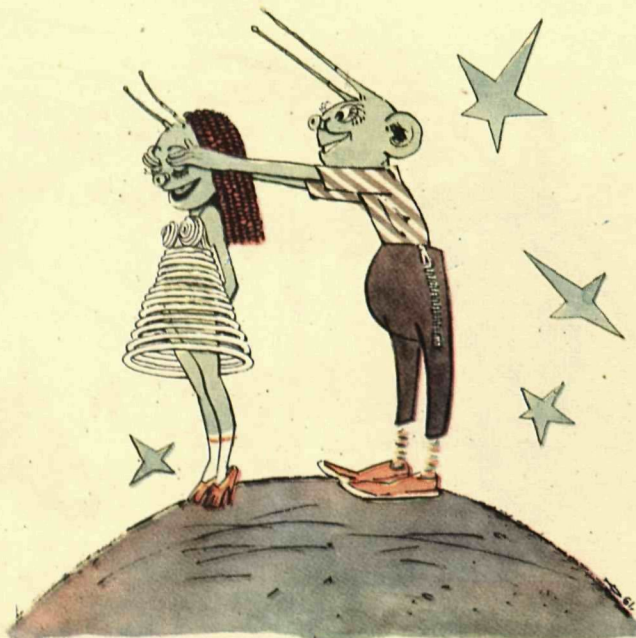
Катерина посмотрела на сильного, всегда веселого мужа и сказала:

— Хай!

К О Н Е Ц

(Повесть печаталась в сокращенном варианте.)

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ГДЕ-ТО НА МАРСЕ
— Гагарин!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

— Опять в космос полетит наш
директор с женой!

Как это случилось?

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Работники научного и документального кино попали в плен одного могущественного местоположения. Посуди сам, вот список фильмов самого различного содержания:

«Это может случиться»
«Это могло не случиться»
«Это могло случиться с каждым»
«Это только начало»
«Это пока начало»
«Это не секрет»
«Это нужно знать»
«Это все должны знать»
«Это касается каждого из нас»
«Это каждому полезно»
«Это обязательно для всех»
«Это любят все»
«Это очень серьезно»
«Это зависит от нас»
«Это мешает нам жить»
«Это не проходит бесследно»
«Это тревожит всех»
«Это создано человеком»
«Это даст химия»
«Это случилось на Некрасовской»
«Это произошло в Чили»
«Это по-коммунистически»
«Это было в Свво Вэлли»
«Это выгодно нам и государству».

Местоимение так обнаглело, что лезет уже и в названия художественных кинофильмов: «Это было в Донбассе», «Это было весной», «Это начиналось так» и т. д.

При составлении программ для киноустановок очень нелегко определить, какое «ЭТО» обозначает ТО, что в данный момент необходимо зрителю.

Не подскажешь ли, дорогой Крокодил, работникам кинематографии, что существуют еще и другие местоимения и что можно обойтись без ЭТОГО.

Н. СИМОНОВСКАЯ,
сотрудник Черниговского областного отдела кинофикации

ЛИТЕРАТУРНАЯ пародия

НЕБЫЛИЧКА - НЕВЕЛИЧКА

«То ль ты птичка-замарашка,
То ль ты птица велика!»
«И почти по-человечьи
Зашушукала трава».
«И, кося собачьим глазом,
Расстушается конвой».

Сергей ОСТРОВИИ.

Ловит удочкой букашку,
Щучку хитрую сачком,
Точит парень востру шашку
Грубошерстным языком.
Льдом хрустальным топят печку,
Шею выпятив дугой,
Славит высохшую речку
Стихотворец дорогой.
Он уху из солнца варит —
И желта она, жирна,
В баньке мертвого упарит,
Выдав пуд стихов сполна.
То ль питается он ватой,
То ли просто трын-травой,
Временами островатый,
Повседневно Островой!

Марк ШЕХТЕР

МНОГОПОГЛОЩАЮЩАЯ ЛЮБОВЬ

ГДЕ БОЛЬШЕ всего любят танцы? До последнего времени дать четкий ответ на этот вопрос было затруднительно. Теперь же можно сказать точно: в городе Тернополе. Здесь любовь к танцам если и не всепоглощающая, то, во всяком случае, поглощающая очень многое.

...Случилось это весной минувшего года. Прошли как-то руководители областного управления культуры по своему красавцу городу и обрадовались: прекрасные новые дома, книжные магазины, замечательный универсам, живописное озеро, чудесный кинотеатр, музыкально-драматический театр, филармония. Все есть!

И только подумали об этом, как, к ужасу своему, обнаружили, что в Тернополе нет танцевального ансамбля.

— Как же это мы проворонили? — растерянно проговорил на-

чальник управления культуры М. И. Бей. — В Дрогобыче есть ансамбль, в Станиславе и Черновцах есть, а у нас нет. Мы что, хуже? — Мы не хуже! — веско и категорически заверил заместитель начальника Н. Н. Янковой.

И тут же было принято единогласное решение: создать ансамбль.

Поначалу, правда, немного засомневались. При городском Доме культуры есть хороший танцевальный коллектив, есть такие и в районных центрах.

Однако сомнения сразу были отменены веским доводом: по самодеятельности, а нам нужен профессиональный коллектив.

Из Львова был срочно выписан В. Е. Дьяконов, до этого с переменным успехом руководивший различными львовскими самодеятельными танцевальными коллективами. Выхлопотали ему ставку, предоставили квартиру.

Но один руководитель — это да-

леко еще не ансамбль, даже не пол-ансамбля. Как минимум нужны еще и непосредственные исполнители.

— Кто же будет танцевать? — спросил балетмейстер.

— Руководители! — ответствовали Бей и Янковой.

— Какие?! — изумился выдавший всякие па Дьяконов.

— Руководители самодеятельных танцевальных коллективов области. Мы их специально собрали на шестимесячные курсы при Доме народного творчества. Отберите лучших, и пусть пляшут!

Отбирали лучших. Пригласили еще нескольких танцоров из разных профессиональных коллективов. Всем установили ставки.

Потом возникла новая забота: ансамбль нужно одеть и обуть. Чтобы вид был! Начали шить костюмы. Они обошлись ни много, ни мало в 270 тысяч рублей в старых ценах.

— Ну, теперь наконец можно уже объявить о создании ансамбля? — нетерпеливо вопрошало областное «культурное» начальство.

— Поспешишь — людей насмешишь! — мудро изрекли более опытные товарищи. — Мы что с вами создаем? Ансамбль танца. Значит, что мы в первую очередь обязаны охранять? Ноги! И еще раз ноги!

Для нужд ансамбля были приобретены четыре автомашины.

И тут в Тернополе спохватились:

— Нужно выручать!

— Что выручать?

— И ансамбль и денежки! Как-никак, более шестисот тысяч уже ухлопали.

Способ был найден. Из областного центра стали звонить в колхозы:

— Принимайте молодежный танцевальный ансамбль! Мы устанавливаем сцену в чистом поле. Вы приглашаете всех желающих. Билетов продавать не надо. Потом переведете на наш счет три с половиной тысячи.

И пошло. Танцоры плясали, колхозы переводили деньги...

И тогда из области стали писать в Министерство культуры УССР: — Уваженье, ради бога, фактически существующий коллектив. Требуется небольшая дотация.

Однако в министерстве усомнились в целесообразности создания нового коллектива.

Но тернопольские любители хореографии не уныли и продолжали хлопотать.

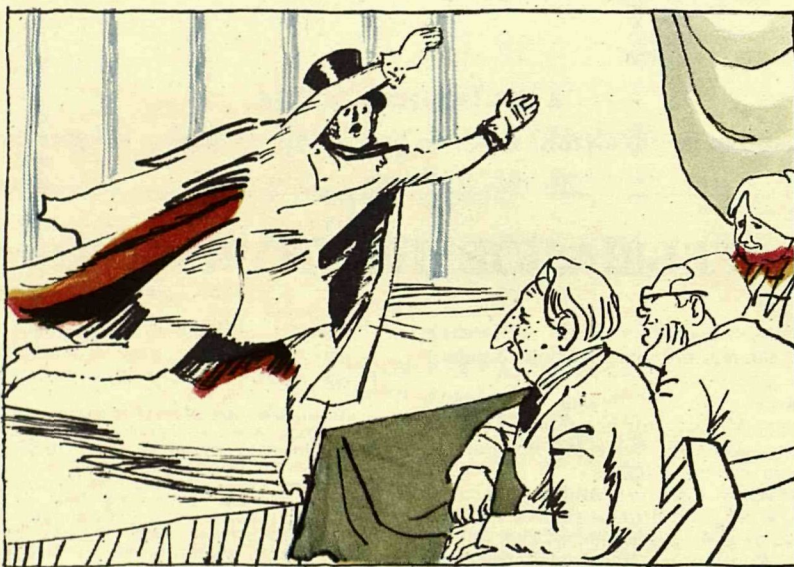
— Не хотите утверждать новый коллектив, — не надо! Объединим тогда ансамбль с хоровой капеллой при филармонии. Создадим народный хор. Добавьте еще несколько штатных единиц, на том сойдемся. Ну что, вам жалко?

Но кто может дать гарантию, что после официального признания ансамбля в Тернополе (при такой-то любви к танцам!) не пожелают создать явочным порядком балет на льду и, в завершение, научно-исследовательский институт хореографии? Тогда уж о самодеятельности совсем забудут: все поставят на профессиональную ногу — мы, мол, покажем, как танцевать! Дайте только дотацию.

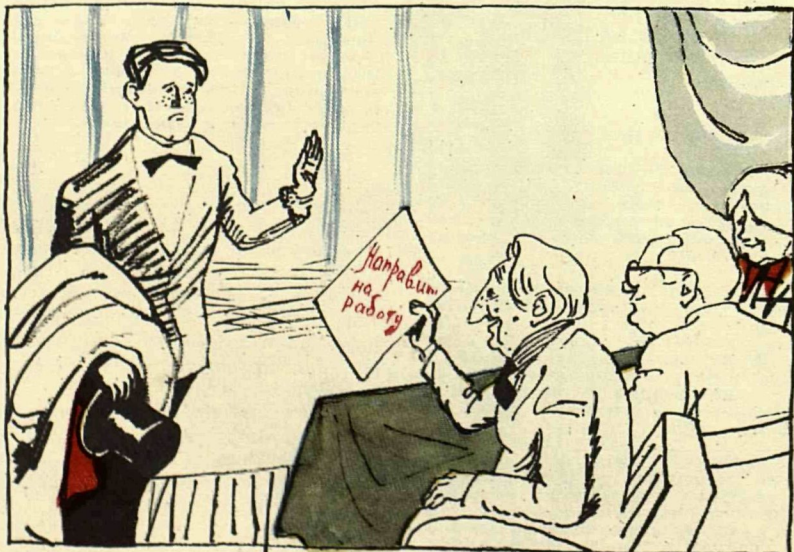
Е. КРУКОВЕЦ

г. Тернополь.

НА ВЫПУСКНОМ СПЕКТАКЛЕ И ПОСЛЕ НЕГО

— Вон из Москвы! Сюда я больше не езду...

— Из Москвы! Ни за что!

СО ВЗЛОМОМ И БЕЗ

Ужасно не повезло детскому пальто из синего драпа с цигейковым воротником! Ночные та-ти, взломав промтоварный магазин в городе Багратионовске, Калининградской области, за-пихали его вместе с прочими похищенными то-варами в мешок и сгинули в неизвестном на-правлении.

Впрочем, вскоре воры были пойманы, а вещи поступили в магазин уцененных товаров.

Для уценки была создана чрезвычайная трой-ка во главе с товароведом райпотребсоюза С. Антоновой. Комиссия, оглядев вещички и найдя их очень милыми, приступила в поте ли-ца к своим обязанностям. В совершенно, повто-ряем, новых вещах комиссия отыскала целую уйму пороков. Так, знакомое уже читателю пальтецо из синего драпа с цигейковым ворот-ником превратилось (по акту уценки) в рубище, столь жалкое, что от него отшатнулся бы даже диккенсовский Оливер Твист.

Естественно, вместе со снижением качествен-ной оценки снизилась и цена. К примеру, соро-касемирублевое пальто С. Антонова довела до 12 рублей 10 копеек. Засим пальто попало в цепкие руки приятельницы одной из членов комиссии, та его бережно запаковала (а не грубо закинула в мешок) и исчезла.

Учитесь, правонарушители, как работать без отмычек!

Шарж И. ИГИНА

ЛЕВ ВЕНИАМИНОВИЧ НИКУЛИН.

(К 70-летию со дня рождения)

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Доярка М. Слепцова сдала последние килограммы своего обязательства».

(Из письма в редакцию районной газеты.)

«Товарищи родители! У де-тей в детсадишке такой же рабо-чий день, как и у вас: они едят, спят и гуляют».

(Из выступления методиста-воспитателя на родительском собрании.)

Собрала Э. Кузнецова.

пос. Батагай,
Якутская АССР.

«...Покуда продавец Фили-монова куда-то уходила, пас-шийся на улице верблюд, при-надлежавший колхозу, подошел к ларьку и принялся беспре-пятственно кушать из кадки соленые огурцы. Я попытался отогнать верблюда, но живо-тина сердито прыснула на меня жвачкой и продолжала свое дело. Затем верблюд протянул свою длинную шею и принялся за карамель. Прибежавшая Филимонова вгорячах схва-тила кастрюлю с кипятком (стоявшую тут же на электро-плитке) и вылила на верблюда. На этой почве завязалась су-

дебная тяжба. Колхоз предъ-явил иск Павловскому сельпо за пострадавшего верблюда, а сельпо, в свою очередь, предъ-явило контриск за съеденные верблюдом полкадки соленых огурцов и пять кило карамели. Суд обоим истцам отказал, мо-тивировав, что верблюд не дол-жен ходить безнадзорно по улицам, а продавец не должна оставлять без надзора палатку. Убытки пали на продавщицу Филимонову...»

(Из акта.)

Записал А. МЕРКУЛОВ.

г. Долгопрудный.

Что нового
в сатирическом цехе

«О ТЕХ, КТО НЕ РАБОТАЕТ, А ЕСТ» ре-шили еще раз поведать миру прозаики, поэты и художники-сатирики Крокоди-ла. Сборник их произведений, подго-товленный редакцией журнала совме-стно с секцией сатиры и юмора Моско-вского отделения Союза писателей, выпу-щен Госполитиздатом.

«В ПОРЯДКЕ ПРОФИЛАКТИКИ» выпу-стило сборник оздоровительно-сатириче-ских материалов Челябинское книжное издательство. Автор не врач, а местный поэт-сатирик Л. Чернышев.

«РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ» грузинско-го писателя К. Гогнашвили предало гласности издательство «Сабчота мцера-ли». Разговор велся в стихотворной фор-ме.

«ДРУЖБА ДРУЖБОЙ...» — усмехнулся днепропетровский поэт В. Окунь и на-чал выносить «Сор из избы». Рассказал «Про Фому-неверного», про «Собачку с дамой», про «Тонкогляда» и многих дру-гих. Стихи выпущены в свет областным книгоиздательством.

«КРОТА В КАРАКУЛЕ» показывает за невысокую плату (15 коп.) всем желаю-щим Пензенское книгоиздательство. Дрессировщик и укротитель, он же автор сборника юморесок и сатирических сти-хотворений — Н. Катков.

«И ГОРЬКО И СЛАДКО» — так звучит по-киргизски русская пословица «И смех и грех». Так назван и сборник фельето-нов С. Болехбаева, вышедший в Кир-гизгосиздате.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— И как это ты так напился!
— А-в-то-ма-т-и-ч-е-с-к-и...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА (по теме читателя Б. Сысоева, г. Ленинград)

— А что, если пожертвовать фигурой!

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 01281 Изд. № 560. Подписано к печати 9/V 1961 г. Формат бум. 70x108/16. Заказ № 1265. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗАОКЕАНСКИЕ ПТИЧКИ
ДЛЯ БОННСКОГО СКВОРЕЧНИКА

Рисунок КУКУРЫНИКСЫ